

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИЧНОСТИ С ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬЮ

А.А. Колмогорцева, Е.А. Рыльская

Южно-Уральский государственный университет, г. Челябинск, Россия

Аннотация. Убыстряющееся развитие цифровых технологий и, как следствие, большая доступность сети Интернет приводят к тому, что некоторые пользователи погружаются в виртуальное пространство настолько плотно, что это приводит к интернет-зависимости. Большинство исследований феномена интернет-зависимости проведено на школьниках и студентах. Но остается открытым вопрос изучения данного феномена на выборке так называемого «поколения Y». **Цель:** определить индивидуально-психологические особенности личности с интернет-зависимостью. **Материалы и методы.** Выборку настоящего исследования составили 289 человек в возрасте от 18 до 38 лет ($X = 23,7$; $SD = 5,26$), из них 137 женщин (47,4 %) и 152 мужчины (52,6 %). Для определения интернет-зависимости была использована методика «Шкала интернет-зависимого поведения Чена»; для изучения индивидуально-психологических особенностей личности использован 16-факторный опросник Кеттела (форма С). Для обработки результатов использовались описательные статистики, Н-критерий Краскала – Уоллеса, коэффициент ранговой корреляции r -Спирмена. Математическая обработка данных проводилась с применением IBM SPSS Statistics v. 17.0. **Результаты.** Выявлено, что для личности с интернет-зависимостью периода взрослости характерны эмоциональная нестабильность, низкая нормативность поведения, высокая тревожность, консерватизм, низкий самоконтроль и эмоциональная напряженность. По мере роста выраженности интернет-зависимости отмечается увеличение количественных показателей этих личностных свойств. **Заключение.** Определены индивидуально-психологические особенности личности с интернет-зависимостью, что может быть включено в разработку и реализацию программы по психологической коррекции данной формы аддиктивного поведения.

Ключевые слова: интернет-зависимость, поведенческие аддикции, психологические особенности личности, ранняя взрослость, средняя взрослость, нехимические зависимости.

Введение

Стремительно ускоряющееся развитие современной информационной среды, построенной на повсеместном применении Интернета во всех сферах деятельности и обыденной жизни, стимулирует практически неконтролируемый рост пользователей «всемирной паутины». Она становится все более доступной для всех слоев населения как в техническом, так и материальном аспекте. Будучи грандиозным приобретением, значимость которого для человечества трудно переоценить, Интернет тем не менее создает ряд проблем глобального гуманитарного плана, что влечет за собой необходимость изучения вопроса о социальных и психологических эффектах широкомасштабной компьютеризации. Для целого ряда увлеченных интернет-пользователей глубокое и захватывающее погружение в виртуальное пространство начинает заслонять реальность, которая постепенно отходит на второй план.

Возникают различного рода интернет-зависимости – болезненные пристрастия к использованию Интернета, проявляющиеся в многочасовых сеансах многопользовательских ролевых онлайн-игр, «зависаниях» в социальных сетях и пространствах интернет-шопинга.

Понятие «интернет-зависимость» было введено в научный тезаурус I. Goldberg в 1995 г. на дискуссионном форуме психиатров. Он определил интернет-зависимость как навязчивое (компульсивное) желание использования Интернета, приводящее к негативным последствиям в профессиональной деятельности, семейной сфере, социальном взаимодействии. Позже в 1996 г. K. Young предложила рассматривать зависимость от Интернета как новую реальную клиническую патологию. Основываясь на критериях патологической игромании в DSM-IV, она создала 20-опросный тест, который измерял, насколько серьезно

Интернет влияет на социальную жизнь человека [1]. Заложенные I. Goldberg и K. Young основы исследования интернет-зависимости стали отправной точкой ее изучения как психологического феномена [2–8]. Накопленный эмпирический опыт тем не менее оказывается довольно фрагментарным и охватывает далеко не все аспекты проблемы и категории интернет-пользователей. На исходе второго десятилетия нашего века по-прежнему популярными остаются исследования интернет-зависимости в студенческой среде [9, 10]; продолжают активные эмпирические разработки психологических проблем игровой зависимости [11]; рассматриваются медицинские проблемы интернет-аддикций в контексте нарушений сна [12]. Попытки преодоления фрагментарности исследований предпринимаются в теоретико-аналитических исследованиях [13, 14]. Вместе с тем по-прежнему вне поля зрения оказывается вопрос о влиянии Интернета на представителей так называемого «поколения Y», появившегося на свет в период с 1983 по 2002 годы. Данный факт определил не только **цель исследования**: определить индивидуально-психологические особенности личности с интернет-зависимостью, но и возрастную специфику выборки.

Материалы и методы

В исследовании приняли участие 289 человек в возрасте от 18 до 38 лет ($X = 23,7$; $SD = 5,26$), из них 137 женщин (47,4 %) и 152 мужчины (52,6 %). Для оценки выраженности интернет-зависимого поведения испытуемым было предложено ответить на вопросы методики «Chen Internet addiction Scale – CIAS» (Шкала интернет-зависимого поведения Чена) в адаптации В.Л. Малыгина¹ с соавторами. Для изучения индивидуально-психологических особенностей личности был использован 16-факторный опросник Кеттелла (форма С) в адаптации А.Н. Капустиной с соавторами².

Для обработки результатов использовались описательные статистики, непараметрический критерий сравнения выборок Н-критерий Краскала – Уоллеса и коэффициент

ранговой корреляции r-Спирмена³. Математическая обработка данных проводилась с применением стандартизованного пакета программ IBM SPSS Statistics v. 17.0.

Результаты и обсуждение

Общая выборка испытуемых ($N = 289$) была разделена на три группы на основании результатов методики «Шкала интернет-зависимого поведения Чена»: контрольная группа (КГ) – испытуемые с отсутствием интернет-зависимости ($N = 104$); группа риска (ГР) – испытуемые со склонностью к возникновению интернет-зависимости ($N = 113$); группа с интернет-зависимостью (ИЗ, $N = 72$). В табл. 1 представлены значения средних по методике «Шкала интернет-зависимости Чена».

Общий балл по методике от 65 баллов и выше говорит о наличии интернет-зависимости, ключевыми компульсивными симптомами которой являются симптомы отмены и толерантности.

Для анализа индивидуально-психологических особенностей личности с интернет-зависимостью были использованы результаты многофакторного личностного опросника Кеттелла – 16 PF (форма С). При обработке результатов был исключен фактор В – «Интеллект», так как в задачах исследования отсутствует анализ интеллектуальной сферы. Для выявления индивидуально-психологических особенностей испытуемых с разными показателями по параметру «интернет-зависимость» проводилось сравнение трех независимых выборок с использованием непараметрического Н-критерия Краскала – Уоллеса (табл. 2).

Установлены статистически значимые различия по уровню фактора С «эмоциональная нестабильность – эмоциональная стабильность» между выборками группы «КГ», группы «ГР», группы «ИЗ» ($N = 141,6$ при $p \leq 0,001$). Уровень фактора С в третьей группе ниже (средний ранг = 74,49), чем в первой и второй группах. Поскольку этот фактор характеризует динамическое обобщение и зрелость эмоций в противоположность нерегулируемой эмоциональности, можно полагать, что личность с интернет-зависимостью

¹ Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики: учебное пособие / В.Л. Малыгин, К.А. Феклисов, А.С. Искандирова и др. М.: МГМСУ, 2011.

² Капустина А.Н. Многофакторная личностная методика Р. Кеттелла. СПб., 2001. С. 55–81, 96–97.

³ Наследов А.Д. Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных: учебное пособие. СПб.: Речь, 2004. 392 с.

Таблица 1
Table 1

Значения средних по шкале интернет-зависимости Чена
Chen Internet Addiction Scale average values (Хэмп.±σ)

Шкалы Scale	Группа 1 («КГ») N = 104 Sample 1	Группа 2 («ГР») N = 113 Sample 2	Группа 3 («ИЗ») N = 72 Sample 3
Шкала компульсивных симптомов / Compulsive symptoms	5,92 ± 1,24	10,39 ± 1,92	14,86 ± 2,83
Шкала симптомов отмены / Withdrawal symptoms	6,95 ± 2,01	11,21 ± 2,3	14,33 ± 2,66
Шкала толерантности / Tolerance symptoms	5,86 ± 1,86	8,72 ± 1,43	12,19 ± 2,35
Шкала внутриличностных проблем и проблем, связанных со здоровьем / Interpersonal and health problems	8,01 ± 1,18	12,71 ± 2,21	18,26 ± 2,82
Шкала управления временем / Time management problems	7,08 ± 2,29	11,30 ± 2,52	16,40 ± 2,36
Общий CIAS балл / CIAS-G total score	33,86 ± 5,41	54,34 ± 5,53	76,47 ± 6,33

Таблица 2
Table 2

Сравнение групп по уровню выраженности факторов (средний ранг)
Comparison of samples by the severity of factors (mean rank)

Наименование показателя Indicator	Группа 1 «КГ» N = 104 Sample 1	Группа 2 «ГР» N = 113 Sample 2	Группа 3 «ИЗ» N = 72 Sample 3	Значение Н-критерия Краскала–Уоллеса Kruskal–Wallis H	Уровень значимости Significance level
Фактор А Factor A	147,04	131,86	162,67	6,178	0,056
Фактор С Factor C	217,82	122,90	74,49	141,631	0,001
Фактор Е Factor E	162,86	144,12	120,60	11,060	0,004
Фактор F Factor F	145,30	142,76	148,09	0,188	0,910
Фактор G Factor G	199,90	142,82	69,11	106,123	0,001
Фактор H Factor H	174,65	133,77	119,79	22,141	0,001
Фактор I Factor I	145,30	142,76	148,09	0,188	0,910
Фактор L Factor L	144,31	160,19	122,15	9,261	0,010
Фактор M Factor M	143,81	149,07	140,33	0,524	0,769
Фактор N Factor N	177,10	143,46	101,06	36,510	0,001
Фактор O Factor O	78,50	158,04	220,59	129,488	0,001
Фактор Q ₁ Factor Q ₁	183,56	142,14	93,79	50,558	0,001
Фактор Q ₂ Factor Q ₂	145,30	142,76	148,09	0,188	0,910
Фактор Q ₃ Factor Q ₃	217,39	124,89	71,99	142,002	0,001
Фактор Q ₄ Factor Q ₄	76,84	174,80	196,68	113,573	0,001

отличается незрелостью эмоциональной сферы личности, импульсивностью, зависимостью от настроений.

Различия по уровню фактора Е «подчиненность – доминантность» ($N = 11,06$ при $p \leq 0,01$) также оказались статистически значимыми. Показатели на уровне 4–5 баллов в группе «ИЗ» являются средними значениями по данному фактору и говорят о таких проявлениях личности, как уступчивость, застенчивость, склонность легко выходить из равновесия.

Фактор G «низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения» также оказался значимым в плане различий между исследуемыми группами. Этот фактор напоминает фактор С, особенно в том, что касается роли саморегуляции поведения и отношения к другим людям. Он характеризует особенности эмоционально-волевой сферы (настойчивость, организованность – безответственность, неорганизованность) и особенности регуляции социального поведения (принятие или игнорирование общепринятых моральных правил и норм). Низкие баллы по фактору G «низкая нормативность поведения – высокая нормативность поведения» в группе «ИЗ» указывают на то, что представителям этой группы присущи такие характеристики личности, как потворство своим желаниям, неорганизованность, импульсивность, подверженность влиянию эмоций. Различия между группами по этому фактору значимы на уровне $p \leq 0,001$, критическое значение $N = 106,12$.

Фактор H характеризует степень активности в социальных контактах. При этом надо учитывать, что этот фактор имеет генетическое происхождение и отражает активность организма и особенности темперамента. Люди с высокими оценками этого фактора имеют склонность к профессиям риска, упорны, социабельны, умеют выдерживать эмоциональные нагрузки, что часто делает их лидерами. Низкие оценки этого фактора характеризуют людей застенчивых, робких, не социабельных, трудно принимающих самостоятельные решения.

Различия по уровню фактора H «робость – смелость» между выборками сравниваемых групп ($N = 22,14$ при $p \leq 0,001$) свидетельствует о том, что группа «ИЗ» проявляет трудности в принятии самостоятельных решений, застенчивость, а аналогичная, статисти-

чески значимая картина по уровню фактора N «прямолинейность – дипломатичность» ($N = 36,51$ при $p \leq 0,001$) характеризует представителей группы «ИЗ» как прямолинейных, недостаточно тактичных, излишне эмоциональных, недисциплинированных.

Не оказался исключением и фактор L «доверчивость – подозрительность». Различия по этому фактору выявлены между всеми исследованными выборками. Уровень фактора L в третьей группе ниже (средний ранг = 122,15), чем в первой и второй группах. Среднее значение уровня фактора L в первой группе – $X = 5,50$, во второй – $X = 5,95$ и в третьей – $X = 4,81$. В целом фактор L отражает эмоциональное отношение к людям. Очень высокие оценки по этому фактору говорят об излишней защите и эмоциональной напряженности, фрустрированности личности. Показатели на уровне 4–5 баллов в третьей группе по данному фактору характеризуют личность с интернет-зависимостью как добродушную и склонную не только к изменению собственного мнения под влиянием внешнего социального давления, но и к нежеланию размышлять, делать выводы, полагаясь на стереотипы и шаблоны, облегчающие принятие решений.

Неслучайные различия обнаружены по фактору N «прямолинейность – дипломатичность» между сравниваемыми группами ($N = 36,51$ при $p \leq 0,001$). Уровень фактора N в третьей группе ниже (средний ранг = 101,06), чем в первой и второй группах. Среднее значение уровня фактора N в первой – $X = 5,09$, во второй – $X = 4,29$ и в третьей – $X = 3,44$. Фактор ориентирован на измерение отношений личности к людям и окружающей действительности и отражает некий вариант тактического мастерства. Высокие оценки по этому фактору свидетельствуют о дипломатичности в противоположность «естественности и прямолинейности», сопряженной с наивной эмоциональной искренностью, прямоотой и непринужденностью, присущей обладателям низких оценок. Они медлительны, консервативны, препятствуют принятию решения группой, излишне прямолинейны и эмоциональны, недостаточно тактичны и дисциплинированы. Все эти личностные проявления формируют не совсем благоприятный психологический облик личности с интернет-зависимостью.

Анализ значимых различий по фактору O «спокойствие – тревожность» ($N = 129,49$

при $p \leq 0,001$) при его более высоких показателях в выборке интернет-зависимых респондентов ($X = 7,93$) позволяет полагать, что они значительно хуже справляются с последствиями своих неудач, проявляют повышенную напряженность в трудных жизненных ситуациях, легко теряют присутствие духа. В силу внутренней неустойчивости и напряженности им нелегко справляться со своими неудачами, в трудных жизненных ситуациях они легко теряют присутствие духа, терзаясь сожалениями. Нередки для них проявления симптомов ипохондрии, неврастении, страхов, повышенной застенчивости и сниженной контактности, беспокойства, подверженности настроению, неуверенности в себе, склонности к депрессиям.

При этом стоит учесть, что в группе «ИЗ» был выявлен низкий уровень рефлексивности. Следовательно, можно предположить, что при отсутствии навыков рефлексии собственного эмоционального фона, жизненных событий, определенных поступков и полученных впечатлений испытуемые группы с интернет-зависимостью прибегают к способу ухода в виртуальный мир, чтобы справиться с чувством тревожности, происхождение которого для них остается неизвестным. Примечательно, что и в группе риска («ГР») показатели хотя и незначительно ниже ($X = 6,10$), но остаются высокими. Следовательно, интерпретация данного фактора для них может быть аналогична предыдущей.

О консервативности, узости интеллектуальных интересов у группы респондентов с интернет-зависимостью свидетельствуют низкие показатели по фактору Q_1 «консерватизм – радикализм» ($N = 50,56$ при $p \leq 0,001$). Среднее значение уровня фактора Q_1 в первой группе – $X = 5,10$, во второй – $X = 4,04$ и в третьей – $X = 2,72$.

Между всеми выборками выявлены также неслучайные различия по фактору Q_3 «низкий самоконтроль – высокий самоконтроль». Уровень фактора Q_3 в третьей группе ниже (средний ранг = 71,99), чем в первой и второй группах. Среднее значение уровня фактора Q_3 в первой группе – $X = 6,74$, во второй – $X = 4,20$ и в третьей – $X = 2,88$. Следовательно, можно говорить о слабой воле и низком самоконтроле, импульсивности и неупорядоченности деятельности, потворстве своим желаниям, зависимости от настроения, неумении контролировать свои эмоции и поведение,

низкой дисциплинированности, присущей интернет-зависимой личности в противовес проявлениям самоконтроля, настойчивости, сознательности, склонности к соблюдению этикета определенных усилий, наличию четких принципов, убеждений и уважения общественного мнения. В целом полученные результаты отражают низкий уровень внутреннего контроля поведения и интегрированности личности с выраженными признаками интернет-зависимости.

Наконец, были установлены статистически значимые различия по уровню фактора Q_4 «расслабленность – напряженность» между всеми выборками ($N = 113,57$ при $p \leq 0,001$). Уровень фактора Q_4 в третьей группе выше (средний ранг = 196,68), чем в первой и второй группах. Среднее значение уровня фактора Q_4 в первой группе – $X = 3,18$, во второй – $X = 5,95$ и в третьей $X = 6,53$.

Оценки по этому фактору в группе интернет-зависимых близки к высоким, что позволяет говорить о проявлениях напряженности, взвинченности, фрустрированности, раздражительности обследованных респондентов. В их поведении заметны признаки энергетической возбужденности, требующей определенной разрядки, при отсутствии которой возможны психосоматические нарушения, снижение эмоциональной устойчивости, потеря психического равновесия, выражение агрессивности.

Для определения взаимосвязи между интернет-зависимостью и индивидуально-психологическими особенностями личности был использован коэффициент ранговой корреляции r -Спирмена.

На следующем этапе исследования выявлялись взаимосвязи между интернет-зависимостью и личностными чертами, представленными в опроснике Кеттелла. В соответствии с концептуальными основами исследования, предполагающего изучение интернет-зависимой личности как открытой, динамичной, саморазвивающейся системы, корреляционный анализ осуществлялся на двух разновозрастных выборках с последующим сравнением полученных корреляционных структур. Общая выборочная совокупность была разделена на две подгруппы по возрастным периодам: ранняя зрелость (18–25 лет) и средняя зрелость (26–38 лет).

Результаты корреляционного анализа на выборке ранней зрелости (18–25 лет) по-

зволюли выявить группу факторов, значимо взаимосвязанных с проявлениями интернет-зависимости (см. рисунок). В корреляционную плеяду вошли факторы, коэффициенты корреляции которых выше значения 0,3 ед., что свидетельствует об умеренной связи ($p \leq 0,05$). Математические знаки коэффициентов корреляции учитывают биполярность каждого фактора.

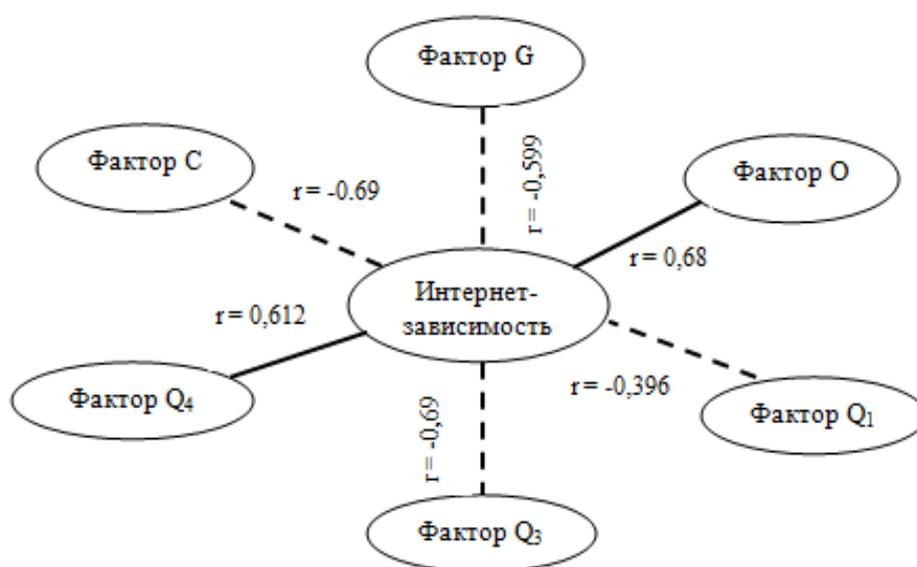
Анализ корреляционных плеяд позволяет говорить о том, что факторы С, О, Q₃, Q₄ и G формируют эмоционально-волевой блок у испытуемых «ИЗ»-группы, которой присущи следующие индивидуально-психологические особенности: эмоциональная неустойчивость, повышенная тревожность, неуверенность в себе, мнительность, низкая стрессоустойчивость, излишняя эмоциональная напряженность, фрустрированность, низкий контроль эмоций и поведения, импульсивность, аффективность, зависимость от настроений. Типичным для интернет-зависимых пользователей является низкий самоконтроль, проявляющийся в потворстве своим желанием, неумении контролировать собственные эмоции и поведение, в слабой воле. Это снижает возможности адекватного восприятия времени, проведенного в сети, способствует не критичности такого восприятия, отражается в целом на умении управлять собственным временем.

Интерпретация факторов второго порядка приводит к заключению о том, что корреляционные плеяды строятся на интегральном

факторе Q_{VIII} «Высокое «супер-эго» – низкое «супер-эго». Поскольку его составляющими служат факторы С, Q₃, G, можно характеризовать личность с интернет-зависимостью как обладающую низким «супер-эго» с такими проявлениями, как незрелость эмоций, неустойчивость интересов, неразвитость чувства ответственности, низкий контроль эмоций и поведения, импульсивность, конфликтность.

На следующем этапе исследования осуществлялось сравнение полученных корреляционных матриц и структур с аналогичными матрицами и структурами, характерными для выборки средней взрослости с использованием Z-преобразования Фишера. Для сравнения использовались только коэффициенты корреляции больше 0,3 ед.

В подгруппе возрастного периода средней взрослости связь интернет-зависимости и фактора О статистически значимо ниже, чем в подгруппе возрастного периода ранней взрослости ($p \leq 0,013$). По остальным коэффициентам корреляции значимых отличий не выявлено. Следовательно, можно полагать, что структура интернет-зависимости как комплекса ее коррелятов формируется уже к периоду ранней взрослости и не претерпевает дальнейших изменений в рамках периода средней взрослости. В связи с этим психологические портреты личности с интернет-зависимостью возрастного периода ранней и средней взрослости не будут существенно отличаться.

Корреляционная плеяда факторов личностного опросника и интернет-зависимости
Correlations between the factors of the personality questionnaire and the Internet addiction scale

Заключение

В результате проведенного исследования было выявлено, что для личности с интернет-зависимостью периода взрослости характерны эмоциональная нестабильность, низкая нормативность поведения, высокая тревожность, консерватизм, низкий самоконтроль и эмоциональная напряженность. По мере роста выраженности интернет-зависимости отмечается увеличение количественных показателей этих личностных свойств. Подобный личностный симптомокомплекс порождает чувство нестабильности и неприятия окружающей действительности, что выражается в уходе от реальности посредством все более глубокого погружения в виртуальное пространство. Ситуация усугубляется тем, что данный вариант избегания жизненной реальности в современном мире является легкодоступным как в материально-финансовом, так и технологическом плане. Информационная перенасыщенность и эмоциональная перегрузка, вызванные излишней поглощенностью виртуальным пространством, усугубляют негативные и болезненные проявления высокой тревожности, присущей интернет-зависимой личности. Создается порочный круг: чтобы справиться с высоким уровнем тревожности и напряжения, такая личность пытается защититься от реальной жизни с помощью Интернета, но в результате потребления большого количества виртуального контента она получает грандиозную информационно-эмоциональную перегрузку, повышающую внутреннюю напряженность и активизирующую тревогу.

Конфликт интересов

Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Литература

1. Young K.S. *The evolution of Internet addiction* // *Addictive Behaviors*. 2017. № 64. P. 229–230. DOI: 10.1016/j.addbeh.2015.05.016.
2. Войскунский А.Е. *Актуальные проблемы психологии зависимости от Интернета* // *Психологический журнал*. 2013. Т. 34, № 3. С. 110–118. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20132655>
3. *Интернет-зависимое поведение: биологические, психологические и социальные факторы риска формирования у подростков* / В.Л. Малыгин, Ю.А. Мерькурьева, Н.С. Хомерики и др. // *Профилактика зависимостей*. 2015. № 4 (4). С. 61–65. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25066047>
4. Егоров А.Ю. *Современные представления об интернет-аддикциях и подходах к их коррекции* // *Медицинская психология в России*. 2015. № 4 (33). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26375084>
5. Кубитов А.О., Трусова А.В., Егоров А.Ю. *Интернет-зависимость: клинические, биологические, генетические и психологические аспекты* // *Вопросы наркологии*. 2019. № 3 (174). С. 22–47. DOI: 10.47877/0234-0623_2019_3_22
6. *Предикторы развития интернет-аддикции: анализ психологических факторов* / А.В. Трусова, С.В. Гречаный, В.А. Солдаткин и др. // *Обозрение психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева*. 2020. № 1. С. 72–82. DOI: 10.31363/2313-7053-2020-1-72-82.
7. *The evolution of Internet addiction: A global perspective* / M.D. Griffiths, D.J. Kuss, J. Billieux, H.M. Pontes // *Addictive Behaviors*. 2016. № 53. P. 193–195. DOI: 10.1016/j.addbeh.2015.11.001.
8. *Problematic Internet Use: A Longitudinal Study Evaluating Prevalence and Predictors* / M.A. Moreno, J. Eickhoff, Q. Zhao et al. // *The journal of pediatrics*: X. 2019. Vol. 1. P. 1–6. DOI: 10.1016/j.ympdx.2019.100006
9. *Prevalence and associated factors of internet addiction among undergraduate university students in Ethiopia: a community university-based cross-sectional study* / Y. Zenebe, K. Kunno, M. Mekonnen et al. // *BMC Psychology*. 2021. № 9. № art. 4. DOI: 10.1186/s40359-020-00508-z.
10. *Sex differences in prevalence, risk factors and clinical correlates of internet-addiction among Chinese college students* / Y. Shen, L. Wang, C. Huang et al. // *Journal of Affective Disorders*. 2021; Vol. 279. P. 680–686. DOI: 10.1016/j.jad.2020.10.054.
11. *Addiction severity modulates the precuneus involvement in internet gaming disorder: Functionality, morphology and effective connectivity* / G.-H. Dong, M. Wang, Z. Wang et al. // *Progress in Neuropsychopharmacology and Biological Psychiatry*. 2020. № 98. P. 109829. DOI: 10.1016/j.pnpbp.2019.109829.
12. *Internet addiction and sleep problems: A systematic review and meta-analysis* / Z. Alimoradi, C.-Y. Lin, A. Broström // *Sleep Medicine Reviews*. 2019. Vol. 47. P. 51–61. DOI: 10.1016/j.smrv.2019.06.004.

13. Sun Y., Zhang Y. A review of theories and models applied in studies of social media addiction and implications for future research // *Addictive Behaviors*. 2021. Vol. 114. № art. 106699. DOI: 10.1016/j.addbeh.2020.106699.

14. Kuss D.J., Kristensen A.M., Lopez-Fernandez O. Internet addictions outside of Europe: A systematic literature review // *Computers in Human Behavior*. 2021. Vol. 115. № art.106621. DOI: 10.1016/j.chb.2020.106621.

Колмогорцева Анастасия Алексеевна, заведующий учебной лабораторией кафедры психологии управления и служебной деятельности, Южно-Уральский государственный университет (Россия, 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, 76), kolmogortcevaaa@susu.ru

Рыльская Елена Александровна, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии управления и служебной деятельности, Южно-Уральский государственный университет (Россия, 454080, г. Челябинск, проспект Ленина, 76), rylskaiaea@susu.ru

Поступила в редакцию 30 мая 2020 г.; принята 1 ноября 2020 г.

DOI: 10.14529/jpps210102

INDIVIDUAL PSYCHOLOGICAL TRAITS IN INTERNET ADDICTED PEOPLE

A.A. Kolmogortseva, kolmogortcevaaa@susu.ru

E.A. Rylskaya, rylskaiaea@susu.ru

South Ural State University (76 Lenin Avenue, Chelyabinsk, 454080, Russia)

Abstract. The accelerating development of digital technologies and the greater availability of the Internet lead to the fact that some users are immersed in virtual space so densely that it results in Internet addiction. Most of the studies of Internet addiction have been conducted on schoolchildren and students. However, the question of studying this phenomenon on the generation Y sample remains open. **Aim:** the paper aims to identify the individual psychological traits of Internet addicted people. **Materials and methods.** The sample consisted of 289 people ages 18-38 ($X = 23.7$; $SD = 5.26$), of which 137 were female (47.4%) and 152 were male (52.6%). To identify Internet addiction, the Chen Internet Addiction Scale was used, as well as the 16-PF questionnaire (form C), which allows studying the individual psychological traits of a person. Descriptive statistics, the Kruskal-Wallis H, and the Spearman rank correlation coefficient were used for processing the data. Mathematical processing was carried out using IBM SPSS Statistics v. 17.0. **Results.** As a result of the study, it was revealed that an internet addicted adult is characterized by emotional instability, low rule-consciousness, high anxiety, traditionalism, low self-control and emotional tension. As the person becomes more addicted to the Internet, there is an increase in the quantitative indicators of these personal traits. **Conclusion.** Individual psychological traits of an internet addicted person have been determined, which can be used for the development and implementation of the corrective program for this type of addictive behavior.

Keywords: *Internet addiction, behavioral addictions, psychological traits, early adulthood, middle adulthood, non-chemical addictions.*

Conflict of interest. The authors declares no conflict of interest.

References

1. Young K.S. The evolution of Internet addiction. *Addictive Behaviors*. 2017; 64: 229–230. DOI: 10.1016/j.addbeh.2015.05.016.

2. Voiskounsky A.E. Perspectives of formation of internet psychology. *Psikhologicheskii zhurnal = Psychological Journal*. 2013; 34 (3): 110–118. (in Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20132655>

3. Malygin V.L., Merkur'eva Yu.A., Khomeriki N.S. et al. Internet-dependent behavior: biological, psychological and social risk factors of formation in adolescents. *Profilaktika zavisimosti = Prevention of addictions*. 2015; 4 (4): 61–65. (in Russ.). <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25066047>

4. Egorov A.Yu. Modern views on internet addiction and approaches to its correction. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii = Medical psychology in Russia*. 2015; 4 (33). (in Russ.). URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26375084>

5. Kibitov A.O., Trusova A.V., Egorov A.Yu. Internet addiction: clinical, biological, genetic and psychological aspects. *Voprosy narkologii = Narcology issues*. 2019; 3 (174): 22–47. (in Russ.). DOI: 10.47877/0234-0623_2019_3_22

6. Trusova A.V., Grechanyi S.V., Soldatkin V.A. et al. Internet addiction predictors: analysis of psychological factors. *Obozrenie psikhiatrii i meditsinskoi psikhologii imeni V.M. Bekhtereva = V.M. Bekhterev review of psychiatry and medical psychology*. 2020; 1: 72–82. (in Russ.). DOI: 10.31363/2313-7053-2020-1-72-82

7. Griffiths M.D., Kuss D.J., Billieux J., Pontes H.M. The evolution of Internet addiction: A global perspective. *Addictive Behaviors*. 2016; 53: 193–195. DOI: 10.1016/j.addbeh.2015.11.001.

8. Moreno M.A., Eickhoff J., Zhao Q. Problematic Internet Use: A Longitudinal Study Evaluating Prevalence and Predictors. *The Journal of Pediatrics*: X. 2019; 1: 100006. DOI: 10.1016/j.ympdx.2019.100006

9. Zenebe Y., Kunno K., Mekonnen M. et al. Prevalence and associated factors of internet addiction among undergraduate university students in Ethiopia: a community university-based cross-sectional study. *BMC Psychology*. 2021; 9: 4. DOI: 10.1186/s40359-020-00508-z.

10. Shen Y., Wang L., Huang C. et al. Sex differences in prevalence, risk factors and clinical correlates of internet-addiction among Chinese college students. *Journal of Affective Disorders*. 2021; 279: 680–686. DOI: 10.1016/j.jad.2020.10.054

11. Dong G.-H., Wang M., Wang Z. et al. Addiction severity modulates the precuneus involvement in internet gaming disorder: Functionality, morphology and effective connectivity. *Progress Neuropsychopharmacology and Biological Psychiatry*. 2020; 98: 109829. DOI: 10.1016/j.pnpbp.2019.109829.

12. Alimoradi, Z., Lin, C.-Y., Broström, A. et al. Internet addiction and sleep problems: A systematic review and meta-analysis. *Sleep Medicine Reviews*. 2019; 47: 51–61. DOI: 10.1016/j.smrv.2019.06.004

13. Sun Y., Zhang Y. A review of theories and models applied in studies of social media addiction and implications for future research. *Addictive Behaviors*. 2021; 114: 106699. DOI: 10.1016/j.addbeh.2020.106699.

14. Kuss D.J., Kristensen A.M., Lopez-Fernandez O. Internet addictions outside of Europe: A systematic literature review. *Computers in Human Behavior*. 2021; 115: 106621. DOI: 10.1016/j.chb.2020.106621

Received 30 May 2020; accepted 1 November 2020

ОБРАЗЕЦ ЦИТИРОВАНИЯ

Колмогорцева, А.А. Индивидуально-психологические особенности личности с интернет-зависимостью / А.А. Колмогорцева, Е.А. Рылская // Психология. Психофизиология. – 2021. – Т. 14, № 1. – С. 14–22. DOI: 10.14529/jpps210102

FOR CITATION

Kolmogortseva A.A., Rylskaya E.A. Individual Psychological Traits in Internet Addicted People. *Psychology. Psychophysiology*. 2021, vol. 14, no. 1, pp. 14–22. (in Russ.). DOI: 10.14529/jpps210102